

Игорь Орлав

Люди, с которыми стало легче

КодМЫ

Рассказы

Игорь Орлав

Люди, с которыми стало легче

<https://litres.ru/74570884>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мастер по ремонту мебели и костюмер спорят о полосках на старом кресле. Две соседки записывают звуки своего квартала, а курьер и работник музейной мастерской придумывают настольную игру. Так начинаются двенадцать историй о неожиданной дружбе взрослых. Общие дела сближают, но однажды обнаруживается, что одного удобного расписания мало: у каждого свои привычки, планы и представления о помощи. Тёплые рассказы с мягким юмором о людях, которым интересно вместе, даже когда последняя работа уже сделана.

Содержание

Подлокотник	5
Кит с ручкой	14
Пять секунд тишины	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Игорь Орлав

Люди, с которыми стало легче

*Все рассказы в этой книге — художественный вымысел.
Персонажи и события придуманы; совпадения с реальными
людьми и обстоятельствами случайны.*

Подлокотник

Аркадий потянул за угол обивки, и из кресла выкатились два леденца в слипшихся фантиках. Следом появилась короткая отвёртка с янтарной ручкой.

— Взятка мастеру, — сказал кто-то у двери.

Аркадий поднял голову. На пороге стоял молодой мужчина с рулоном под мышкой. По оливковому рукаву тянулась белая нитка.

— Отвёртка моя, — сказал Аркадий. — Я её тут позавчера оставил.

— Тогда взятку придётся вернуть.

Мужчина положил рулон на деревянный стол, достал из сумки крупные портновские ножницы и представился Русланом. Он работал костюмером, а сюда приходил по вечерам: любительский театр попросил его помочь с вещами для нового спектакля. Кресло требовалось смешное, внушительное и немножко ненадёжное на вид.

— На вид можно, — сказал Аркадий. — Садиться будут?

— Ещё как. Его будут наследовать три человека.

— По очереди?

— В основном.

Аркадий поставил кресло на ноги. Ему был шестьдесят один год, и после ухода из мебельной мастерской он обещал жене не тащить домой чужие диваны. Репетиционная комна-

та при районном клубе оказалась удачной лазейкой: сюда его привёл сосед, игравший нотариуса. Аркадий укрепил стол, приладил к ширме петли, теперь вот добрался до наследства.

Руслану было тридцать четыре. Он только что помогал племяннице пришивать к школьному фартуку карман размером с почтовый ящик и ещё не успел отойти от спора, должен ли в карман целиком помещаться учебник. Об этом он рассказывал, разворачивая ткань: широкие полосы охры, тёмной зелени и молочного цвета.

— Вот. Полосы пойдут наискосок. На спинке сюда, на сиденье в другую сторону. А подлокотники однотонные.

Он приложил ткань к креслу. Получилось так, будто мебель пыталась уйти сразу в двух направлениях.

Аркадий засмеялся.

— Этого нотариусу лучше не видеть.

— Нотариус сам его покупал.

Они сняли старую обивку, нашли внутри картонную семёрку и долго гадали, что она означает. Руслан предположил, что это седьмое по счёту наследство. Аркадий — что предыдущий мастер не умел считать дальше. Семёрку решили оставить: приклеили к внутренней стороне спинки, прежде чем закрыть её.

Работали они по вечерам, когда Аркадий возвращался с прогулки с внуком, а у Руслана кончалась смена. Аркадий приносил термос. Руслан покупал в булочной что-нибудь неровное, уценённое за внешний вид. Особенно им понра-

вились два бублика, сросшиеся боками. Аркадий утверждал, что такую вещь нельзя разнимать без проекта. Руслан откусил сразу от обоих.

Однажды Руслан приехал совсем молчаливый. Положил на стол телефон экраном вниз и стал вытаскивать из старой обивки нитки. Аркадий подумал было, что случилось что-нибудь серьёзное.

— У тебя всё нормально?

— Да. Просто с семи утра мне кто-нибудь что-нибудь рассказывает. Можно я немножко посижу и поковыряюсь?

Аркадий придвинул ему лампу. Сам занялся задней ножкой. Минут двадцать они работали молча, потом Руслан протянул ему скатанную из ниток бороду.

— Кажется, хозяин кресла всё-таки нашёлся.

Аркадий приложил бороду к подбородку и стал похож на рассерженного козла. Сфотографировать себя позволил только со второго раза, когда подобрал нужное выражение глаз. На следующий вечер показал Руслану ответ внука: тот требовал такую же бороду к ближайшему семейному обеду. Пришлось оставить нитки в отдельном пакете.

За неделю они успели примерить на кресло полотенце, кусок серебристой подкладки и старую штору с рыбаками. Штора превращала наследство в карасью засаду. Руслан усадил в кресло собственную куртку, надел на воротник кепку, и Аркадий, зайдя с улицы, поздоровался с ней. Потом сам требовал оставить посетителя до репетиции.

Накануне раскроя Руслан расстелил на столе бумагу. Нарисовал сиденье и спинку, обозначил направление полос. Аркадий внимательно посмотрел и кивнул.

— На схеме понятно?

— Чего же непонятного.

— Завтра я до восьми работаю. Ты раньше придёшь?

— Посмотрю по делам.

Утром Аркадию позвонил сосед: можно ли закончить к пятнице? Режиссёр хотел прогнать сцену целиком. Аркадий решил, что может. Внука забрала дочь, жена уехала к сестре; после обеда образовалось свободное время. Он открыл репетиционную комнату своим ключом и разложил ткань.

На живом кресле косые полосы показались ему ещё беспокойнее, чем на рисунке. Узор спорил с подлокотниками, ломался на сгибе. Аркадий положил полотно ровно. Вот теперь вещь собиралась воедино. Он представил, как Руслан входит, останавливается у двери и признаёт: да, гораздо лучше. Молодые нередко понимают удачное решение, только когда видят готовую работу.

К восьми спинка и сиденье были обтянуты. Кресло выглядело нарядно и основательно. Аркадий подмёл, убрал обрезки в коробку, поставил кипятиться чайник.

Руслан вошёл с пакетом пряников. Сначала посмотрел на кресло, затем на бумажную схему у окна.

— Ты передумал?

— Я попробовал. Так лучше держится весь рисунок.

Руслан провёл пальцем по ровной полосе.

— Я вижу. Почему ты мне не позвонил?

— Ты работал.

— Сообщение можно было оставить.

— Я думал, тебе понравится. Посмотри издалека.

Руслан отошёл к двери. Долго смотрел оттуда. Аркадий ждал, но тот вернулся только за ножницами.

— Для гостиной хорошо. А у нас человек полспектакля старается сесть в это кресло и выглядеть важным. Оно должно его всё время сбивать.

— Полосками?

— В том числе.

Аркадий почувствовал обиду. Никто не заметил, как аккуратно он прошёл сложные места. Он работал пять часов, без обеда, а сейчас его словно поймали на порче имущества.

— Ну не понравилось — переделай. Я же не заставляю.

Руслан положил ножницы обратно.

— Ты ткань уже разрезал. Как я переделаю?

В коробке оставались узкие куски и длинный треугольник. На новую спинку их не хватало. Аркадий посмотрел на них впервые как на количество, а не как на мусор.

— Можно докупить.

— Можно. Только в театре мне дали на один отрез. И завтра я занят. Я говорил, что в четверг не приду.

Он взял сумку. Пряники остались возле чайника.

Дома Аркадий рассказал жене, что молодой товарищ ока-

зался с характером. Жена слушала, перебирая принесённые от сестры яблоки. Аркадий добавил, что всегда спокойно относится к чужим пожеланиям. Никогда ведь не спорит попусту.

— Ты и со мной не споришь, — сказала она. — Просто потом переставляешь.

Он хотел спросить, что именно, но увидел возле чайника её чашку. Утром убрал туда с кухонного стола, чтобы не мешала. Жена любила садиться с чаем у окна, пить медленно, возвращаться к остывшему. Он считал, что чашке положено стоять возле чайника.

В комнате было слышно, как яблоки перекатываются по дну таза.

На следующее утро Аркадий съездил за тканью. Продавщица помнила большой полосатый рулон; нужный остаток ещё лежал на полке. Деньги он достал из конверта, где держал на новую насадку для дрели. Уже в автобусе написал Руслану: «Я сделал без тебя, хотя согласился. Это моя ошибка. Ткань купил. Сегодня сниму. Соседу скажу, что к пятнице не успеем».

Ответ пришёл через час: «Не режь пока».

Аркадий прочёл его дважды и ответил: «Не буду».

Снимать свежую обивку оказалось обиднее, чем старую. Каждую вынутую скобу он бросал в консервную банку. Не торопился: хотел сохранить целыми края. К вечеру пальцы ныли, на деревянном столе лежали два полосатых полотни-

ща с рядами проколов по краям. Сосед заглянул и вздохнул, узнав про отсрочку, но ушёл репетировать со стулом.

Руслан появился в субботу с утра. Он принёс бумажную выкройку и два новых кривых бублика. Аркадий убрал со стола банку со скобами.

— Деньги за ткань мне отдавать не надо, — сказал он. — Я испортил.

— Хорошо.

От такого простого ответа Аркадию стало легче, хотя он приготовился ещё объяснять.

Руслан достал из сумки свёрнутый фартук, расправил его на стуле и только потом посмотрел на Аркадия.

— Я хотел больше не приходить. Позвонить соседу твоему, сказать, что занят. Оно ведь уже было готово, кресло. Даже прилично получалось.

— А почему пришёл?

— Потому что хотел с тобой закончить. Только я не хочу снова стоять возле двери и объяснять, зачем меня вообще звали.

Аркадий притих. Подвинул к Руслану бумажную выкройку.

— Ножницы твои где? — спросил он наконец.

— В сумке.

— Давай сюда. И покажи ещё раз, как ты задумал.

Руслан протянул ему ножницы закрытыми, кольцами вперёд. Аркадий положил их рядом с выкройкой. Чайник тихо

щёлкнул за их спинами, но никто пока не отошёл за чашками.

Они разложили материал. Руслан долго двигал выкройку, чтобы охристая полоса легла возле правого края. Аркадий видел другой способ, удобнее для раскроя. Уже открыл рот, затем спросил:

— Покажи, откуда на это будут смотреть.

Руслан поставил его у двери. Накинул ткань на спинку, придерживал сверху и сел на край кресла, как должен был садиться актёр. Так стало видно, зачем полоса должна появиться именно справа: иначе её закрывало тело. Аркадий кивнул, вернулся к столу и придерживал скользящий край.

К полудню кресло обрело требуемую нелепость. Аркадий сам сел в него, расправил плечи, положил ладони на подлокотники. Руслан сделал несколько шагов назад.

— Скажи: «Все мои распоряжения окончательны».

Аркадий сказал. Руслан расхохотался, и Аркадий, увидев себя в зеркале у стены, тоже засмеялся. Очень уж настойчиво он сидел. Полосы разбегались из-под него в разные стороны.

Оставалось убрать. На деревянном столе рядом лежали короткая отвёртка с янтарной ручкой и большие портновские ножницы. Аркадий крупной светлой рукой с потемневшими от работы ногтями держал свёрнутые обрезки; клетчатый рукав сползал к запястью. Руслан, смуглый и тонкорукый, обвязал свёрток хлопковой тесьмой. Оливковый манжет зацепился за узел. Аркадий освободил ткань кончиком

пальца.

— Эти куда?

— Заберу. Племянница велела сделать чехол для её гигантского кармана. Возможно, она строит матрёшку.

За креслом пришли актёры. Его вынесли в соседний зал, и сразу образовалось непривычно пустое место. Аркадий спрятал отвёртку, Руслан застегнул сумку. Работа кончилась. Теперь можно было просто разойтись, пожав руки.

— Я завтра на барахолку собрался, — сказал Руслан. — Там у одного человека деревянный ящик с ячейками. Хочу для ниток. Пойдёшь?

Аркадий хотел ответить, что ящик, скорее всего, придётся укреплять. Вместо этого спросил:

— А ещё что там есть?

— Всё бесполезное, которое нам нельзя покупать.

— Тогда пойду без большой сумки.

За стеной кто-то торжественно произнёс распоряжение об имуществе, сбился и начал снова. Аркадий выключил свет. Руслан придержал дверь снаружи, пока Аркадий доставал ключ.

Кит с ручкой

Надежда перевернула железную формочку, и вместо чайника на столе появился кит с поднятым хвостом.

— Тогда где у него ручка? — спросила Лиля.

— У этого есть. Порода такая.

Лиля положила киту на спину изюмину. Изюмина скатилась.

Они познакомились час назад, хотя жили в соседних подъездах уже четвёртый год. В субботу в помещении бывшей колясочной должна была состояться ярмарка обмена домашними вещами. Надежда записалась принести печенье, Лиля — тоже, и организатор предложила им объединиться. Кухня у Надежды была просторнее. Туда и отправились пробовать старые формочки, которые Лиля нашла в коробке со своей посудой для обмена.

Сама Надежда хотела избавиться от двух настольных ламп. Они исправно светили, но плафоны у обеих изображали цветы, и за много лет ей надоело жить под двумя тюльпанами. Лиля принесла целый список вещей, которые собиралась отдать: кофейник без крышки, крышку без кастрюли, деревянный массажёр. Последний кто-то подарил ей на двадцатипятилетие. Теперь ей было двадцать девять, а назначение трёх выпуклостей она всё ещё не разгадала.

— Четыре года терпела, — заметила Надежда. — Терпе-

ливый ты человек.

— Я просто редко открываю верхний шкаф.

Надежде было пятьдесят два. Она работала в пункте выдачи заказов и привыкла, что любая коробка рано или поздно должна найти своего человека. Дома это убеждение распространялось даже на пустые банки. Дочь смеялась, что их кухня — камера хранения для стекла.

Для первой пробы они замесили совсем немного теста. Надежда уверенно раскатывала ровный пласт, Лиля выдавливала фигуры так тесно, что между ними почти не оставалось промежутков. Чайники задевали ручками звёзды. Напротивне вырос целый спор о праве проезда.

Надежда предложила сделать всё круглыми, стаканом. Лиля посмотрела на ровные кружки и сказала, что они похожи на собрание людей, которые уже приготовились слушать длинный отчёт. Надежда фыркнула, взяла чайник и вырезала его посередине оставшегося куска.

— В таком случае этот будет председателем.

Пока печенье стояло в духовке, они подписывали бумажные пакеты. На каждом планировалось написать «Угощайтесь». Надежда выводила аккуратные буквы, Лиля рисовала к ним маленький стол. На третьем пакете стол оказался похож на бегущего жука. Лиля дорисовала ему ещё две ноги.

— Оставь, — сказала Надежда. — Это как раз я перед сменой.

Вечер пролетел так незаметно, что Надежда забыла отве-

тить сестре. Обычно они обсуждали по телефону всё, начиная с погоды и заканчивая соседским ремонтом. Теперь пришлось объяснять, что она занята китами. Сестра попросила передать китам привет и не стала спрашивать дальше.

Лиля села на подоконник, подобрав ноги, и принялась рассказывать, как на работе ей целый день приходилось выравнивать фотографии банок в каталоге. Одну фотографию прислали с открытой крышкой, остальные с закрытой; заказчик требовал, чтобы банки выглядели одинаково довольными.

— Может, открытой было холодно? — предположила Надежда.

Лиля чуть не пролила чай. Когда отсмеялась, спросила, что у Надежды за ремешок на холодильнике. Оказалось, это медаль с любительского забега: Надежда ходила туда с дочерью, последнюю треть пути они шли шагом, зато всё время разговаривали.

— Я бы не дошла, — призналась Лиля.

— Дошла бы. Там в конце выдавали пирог.

— Это многое меняет.

Надежда сняла медаль и дала ей подержать. Лиля повесила её на шею, сурово посмотрела на духовку и потребовала от чайников спортивной дисциплины.

Пробное печенье получилось разным: тонкие звёздочки рассыпались во рту, толстые чайники хотелось макать в чай. Они решили оставить оба вида. Надежда любила, когда у лю-

дей есть выбор. Лиля утверждала, что выбор между чайником и чайником вверх ногами уже достаточен.

Договорились встретиться в следующую субботу в девять, за три часа до ярмарки. Двух часов должно было хватить на печенье, оставшегося — на сборы. Надежда записала время на обороте магазинного чека. Лиля внесла его в телефон и предупредила, что после двенадцати уезжает: они с друзьями собирались кататься на велосипедах за городом.

— Успеем, — сказала Надежда. — Вдвоём быстро.

Она действительно так думала. За неделю успела купить пакеты, проверить противни, освободить подоконник под остывшее печенье. Лиля прислала фотографию новой формочки — совершенно непонятного зверя. Надежда угадала в нём пылесос и получила в ответ три смеющихся лица.

В пятницу вечером организатор написала, что ярмарка переносится: в колясочной начали красить стены, работы затянулись. Новая дата — через неделю, в воскресенье. В общем чате сразу посыпались вопросы. Кто-то уже привёз стеллаж, кто-то только в этот день мог забрать чужую детскую кровать. Надежда прочла все сообщения, ни на одно не ответила и позвонила Лиле.

— Завтра всё равно приходишь? — спросила она.

— А зачем печь? За неделю всё засохнет.

— Раздадим по соседям. Я уже купила, настроилась. А потом к ярмарке ещё сделаем.

— Два раза?

— Нам же не трудно.

В трубке помолчали.

— Мне трудно. Следующее воскресенье у меня занято. И завтра я не собиралась ходить по квартирам. Мы договаривались отнести вниз и всё.

Надежда посмотрела на ровную стопку пакетов с весёлыми жуками.

— Я уже людям обещала.

— Людям обещали печенье на ярмарке. Ярмарки завтра нет.

— Ну хорошо. Если для тебя это так просто.

Лиля вздохнула.

— Не надо со мной таким голосом. Я ведь не отняла у тебя субботу.

Разговор кончился без прощания: обе одновременно сказали «ладно» и отключились. Надежда убрала телефон в ящик. Через минуту достала, вдруг Лиля перезвонит, и рассердилась на себя ещё больше.

Она помыла уже чистый противень. Сняла с холодильника чек с временем. Снова прикрепила магнитом. Объём работы не пугал: и одна справится. Неприятно было другое — накануне она так хорошо представляла утро, как Лиля войдёт со своим пылесосом, скажет что-нибудь глупое, а Надежда сварит кофе. Теперь получалось, что она заманивала человека печеньем, а тот пришёл только ради общего дела.

Лиля в это время сидела на полу возле велосипеда. Перед-

нее колесо медленно вращалось, пока она протираала обод. Телефон лежал рядом. Лиля перечитала переписку: они договорились ровно об одном утре, без всяких последующих обязанностей. Она терпеть не могла, когда согласие на маленькую просьбу вытягивалось в длинное эластичное «ты же можешь».

Потом открыла фотографию пакета с жуком. Жук стоял криво и смотрел в сторону, точно уже решил не идти на работу. Лиля рассмеялась. Захотелось показать кому-нибудь, но рисунок без Надеждиного голоса был просто рисунком.

Утром она пришла к девяти. В прихожей пахло кофе. На кухне лежали мука, скалка, пакеты и две формочки.

— Я до одиннадцати, — сказала Лиля, не снимая куртки. — Два часа на печенье, как договаривались. Потом мне нужно домой за велосипедом.

Надежда кивнула.

— По квартирам ходить не будем. Я написала в чат: кто захочет, зайдёт ко мне с двенадцати до часу. А на ярмарку в воскресенье я тоже не могу. С графиком сверилась: у меня смена. Будет без нашего печенья.

Лиля сняла куртку. Принесённую формочку поставила между звёздочкой и чайником.

Они работали осторожно, будто каждое движение могло возобновить вчерашний спор. Надежда не поправляла Лилю, когда та клала готовые фигуры неровными рядами. Лиля слишком старательно освобождала раковину и вытирала все

капли. Пылесос так и оставался неузнанным.

Наконец Надежда остановилась со скалкой в руках.

— Я вчера не про печенье, кажется, говорила.

Лиля перестала вырезать.

— Мне понравилось с тобой. Я хотела ещё посидеть. И стала рассказывать, что мы обязаны. Глупо получилось.

На стене щёлкнули часы. Лиля убрала со лба прядь тыльной стороной запястья.

— А я решила, что ты теперь назначила меня помощницей. На всякий случай сразу стала отбиваться.

— Но воскресенье у тебя занято?

— Да. И велосипеды сегодня никуда не делись.

— Хорошо, что не делись.

Лиля посмотрела на неё внимательнее, потом подняла загадочную формочку.

— Мне продавец сказал, это белка.

Надежда взяла её, повертела.

— Очень после уборки.

Смеяться с тестом в руках неудобно. Лиля упёрлась локтем в стол, Надежда положила скалку, чтобы не уронить. Через минуту они уже обсуждали, нужен ли белке шнур.

Без четверти одиннадцать последний противень вынули из духовки. Лиля успела помыть свою чашку и собрать обрезки бумаги. На столе оставалось достаточно дела ещё минут на двадцать: разложить остывшие фигуры по пакетам, перевязать, освободить место. Надежда видела, как Лиля по-

смотрела на часы.

— Иди, — сказала она. — Я тут закончу.

— Не сердись.

— Не сержусь. Мне правда жаль отпускать, но это другое.

Лиля обняла её одной рукой, второй держа сумку, и ушла.

Надежда постояла в прихожей, затем вернулась к столу и принялась складывать печенье. К двенадцати пришёл первый сосед. Он забрал звёздочки, положил на подоконник три яблока и долго объяснял, что просто нёс их домой, никакой платы не имел в виду.

После часу Надежда выключила свет на кухне. Не всё разобрали, и прежде она бы стала искать, кому ещё отнести, но сейчас запланировала прогулку. По дороге позвонила сестре, выслушала новости и рассказала о сегодняшних посетителях. Купила себе маленькую круглую лампочку для ночника: тюльпаны теперь точно можно было отдать. Дома села почитать, однако скоро обнаружила между страницами чек с девятью часами и засмеялась. Она столько раз перекладывала его с места на место, что он успел стать закладкой.

Телефон показывал фотографию речного берега. Лиля прислала её без подписи. Надежда увеличила снимок, нашла внизу крошечную тень велосипедного колеса и написала: «Выше бери. Весь кит не поместился».

Лиля появилась в половине шестого, в шлеме и с красным от ветра лицом. Велосипед оставила внизу.

— У тебя лампы ещё здесь?

— Здесь.

— Я посмотрела на свою комнату и поняла: мне нужен один тюльпан. Только один. Второй пусть ищет другого человека.

Надежда вынесла обе лампы, чтобы можно было выбрать. Лиля включила первую, потом вторую. Они отличались оттенком света и крошечной царапиной на основании.

— Это не срочно, — сказала Надежда. — Ты, наверное, устала.

— Устала. Можно я сначала сяду?

Надежда подвинула ей стул. Печенья почти не осталось: один неудачный кит лежал на блюде у плиты, слишком тонкий с одного края. Она разломил его пополам. Лиля выбрала хвост, Надежде досталась ручка. Лампа светила между ними прямо на стол. Упаковать её можно было и потом.

Пять секунд тишины

Пакет хрустнул так, словно возле микрофона развалился целый сугроб.

— Это что? — спросила Саша, снимая наушники.

— Я печенье достаю.

— Мы записываем утро.

— А я утром ем печенье. Другого утра у меня нет.

Белла просунула руку в пакет ещё раз. Саша опустила диктофон, и обе засмеялись. На лавке напротив мужчина перестал чистить щёткой мокрый велосипед, подождал и снова взялся за спицы.

Диктофон принадлежал сыну Беллы. Он оставил его матери записывать семейные рецепты, но она за полгода надиктовала только способ отмывать противень. В рецептах Белла пропускала главное: говорила «муки сколько возьмёт», а потом десять минут вспоминала женщину, которая подарила ей форму.

Саша жила этажом ниже и однажды помогла переслать эту запись. Через неделю принесла маленькие наушники, чтобы вместе прослушать результат. В одном постоянно слышался треск. Белла предложила послушать лифт. У лифта, по её наблюдению, было три голоса, смотря кто ехал.

Сначала Саша решила, что это шутка. Потом они полчаса простояли на площадке.

Когда соседский клуб попросил прислать что-нибудь к празднику квартала, Белла выбрала звуковую открытку. Саша согласилась убрать из записи скрипы и длинные паузы. К тридцати восьми годам она твёрдо знала, что по художественной части бесполезна: бухгалтер, всю жизнь таблицы. Об этом сразу и предупредила.

— Зато запишешь, что мы где нашли, — сказала Белла.

— А вот это могу.

Им отвели семь минут перед показом старых фотографий. Запись нужно было передать к пятнице. В ней должны были открываться булочная, просыпаться двор и проезжать первый трамвай. Никаких объясняющих голосов, решила Саша. Пусть люди сами узнают место.

Белла накануне приготовила звуковой маршрут, написав на обороте магазинного чека: «ведро», «ступени», «пёс, если согласится». Привычка сохранять чеки осталась с работы. Она тридцать лет сидела за кассой и всё ещё безошибочно отличала звук разбившейся банки от звука упавшей бутылки.

Саша перечеркнула пса: хозяйка могла счесть это странным. Зато нашла во дворе водосток, в который капли падали с гулким деревянным звуком.

— Чужой человек решит, что у нас здесь джунгли, — заметила Белла.

— Чужим не обещали.

На третий выход они взяли с собой шарф для диктофона.

Ветер перестал грохотать, но трамвай зазвучал так, будто его везли под одеялом. Белла стояла под аркой с поднятой рукой, похожая на человека, который кормит невидимого коня. Саша велела ей не двигаться. Белла послушалась, а потом выяснилось, что кнопка записи была нажата дважды.

Они ушли пить какао. Белла считала, что у проигранного утра должен быть приличный конец. В свои шестьдесят семь она уже не собиралась экономить хорошее настроение до праздников.

В кафе Саша всегда отламывала от булочки верхушку и оставляла мякиш. Белла выбирала мякиш. Первые два раза они соблюдали приличия, на третий заказали одну большую булку и сразу разломали поперёк. Саша рассказала, что её муж именует такое питание разборкой здания. Белла вспомнила, как пыталась продавать на кассе леденцы собственными рекламными стишками и получила от заведующей выговор за очередь.

— Они слушать оставались, понимаешь? Уже расплатились, а не уходят.

Один стишок она воспроизвела. Саша закашлялась от смеха и попросила больше никогда не произносить его возле еды.

Дома у Саши они раскладывали звуки в бесплатной программе, которую ей установил муж. Белла водила пальцем по экрану, не касаясь его, и говорила: «Вот тут мне тесно». Саша двигала фрагменты и отвечала, что тесно бывает в ав-

тобусе, а здесь нужен номер секунды.

Однако к среде она уже слышала, где металлический звон слишком рано обрывает дождь. Вечером, закончив рабочие отчёты, открывала запись и меняла порядок шагов. Белла приходила утром, обнаруживала, что из открытки исчезло её любимое ведро, и долго молчала.

— Оно фальшивое, — объясняла Саша. — Мы сами им гремели.

— И что? Ты же сама переставила трамвай. Он раньше булочной шёл.

Белла предложила начать со скрипа качелей. Саша подвинула этот кусок в середину.

— Почему?

— Не знаю. Так лучше.

— Вот сейчас ты совсем не бухгалтер.

Саша смутилась и стала объяснять про длину фрагментов. Белла не дослушала. Раньше они ходили вдвоём, обе носили диктофон, обе могли остановиться, если услышали интересное. Теперь одна сидела за столом, а другой оставалось указывать пальцем. Белла не умела резать звук, зато ей казалось, что она лучше понимает, зачем его слушать.

В тот вечер Саша проводила её до лифта и предложила в воскресенье сходить за реку на блошинный рынок. Белла собирала смешные солонки, и Саше понравилось их разыскивать. Они уже нашли гуся с открытым клювом, в который невозможно было засыпать соль.

— Зависит от того, как пойдёт работа, — ответила Белла и сама удивилась своей сухости.

На следующий день она принесла отдельный файл.

— Только сначала послушай до конца.

Из наушников донёсся Сашин голос. Тихий, без обычной деловой быстроты.

«Я сказала ему: давай в субботу испечём. А в субботу сказала: давай купим. Он уже заранее знает, что мы купим».

Щёлкнула чашка. Белла спросила: «А ты чего сама хотела?»

«Чтобы он перестал спрашивать, когда мы что-нибудь сделаем. Хоть на один вечер. А потом мне стало так противно от этой мысли».

Саша нажала пробел.

Она говорила это на кухне после записи водостока. Сын в тот день принёс из школы список для домашней ярмарки. Муж мог испечь с ним печенье и предлагал это, но мальчик хотел именно с мамой, которая три вечера подряд доделывала чужой отчёт. Саша помнила, как Белла повернула к ней чашку ручкой. Диктофон лежал между крошками и футляром от очков.

— Ты записывала?

— Забыла выключить. Потом обнаружила. Я слова убрала бы, оставила только последний вопрос. И твой смех дальше. Он там очень хороший.

— Это не для открытки.

— В таком виде, конечно, нет. Но там слышно, какие мы дома. Понимаешь, всё остальное просто стучит, а здесь жизнь.

Саша закрыла крышку компьютера.

Белла убрала руку со стола.

— Ты же не думаешь, что я хочу тебя выставить плохой матерью?

— Я думаю, что сказала это тебе.

За дверью хлопнул лифт. Обе автоматически повернули головы: тот самый долгий вздох перед остановкой, который они никак не могли поймать.

Белла первой посмотрела обратно.

— Ладно. Не будем.

— Удали, пожалуйста.

— Саша, у меня там ещё час хорошего материала. Мы завтра вырежем разговор.

— Сейчас.

Слово получилось как распоряжение в письме, которое Саша сама ненавидела получать. Она услышала это, но отступать не стала.

Белла достала диктофон. Пальцы у неё вдруг стали неповоротливыми. Они перенесли нужные уличные куски в отдельную папку, прослушали начало и конец каждого. Исходную запись Белла стёрла с прибора, затем удалила копию с компьютера и очистила корзину. Копия, которую она слушала дома, оставалась на её старом ноутбуке.

— Дойду и тоже удалю, — сказала она. — Можешь прийти.

— Я тебе верю.

Белла посмотрела на компьютер, но ничего не ответила. Ушла без шарфа. Саша заметила его только вечером.

Сын спросил, почему сегодня не пришла Белла. Обычно он делал вид, что не слушает их монтаж, а потом из своей комнаты выкрикивал, где надо оставить велосипедный звонок.

— Мы поссорились, — сказала Саша.

— Из-за троллейбуса?

— Трамвая. Нет, не из-за него.

Он немного постоял в дверях, ожидая продолжения, потом попросил ножницы. Делал из коробки автобус. Саша удержалась от предложения выровнять окна: вчера он уже объяснил, что окна такими задуманы. Она поискала ножницы в ящике и заодно вытащила цветной скотч.

— Понадобится?

— Ещё как.

Она села рядом приклеивать фары. На кухне оставался невымытый противень. Саша переставила его в раковину и закрыла дверь, чтобы не смотреть.

В четверг звуковая открытка оказалась длиной четыре минуты сорок секунд. Саша вырезала всё, что они сделали искусственно, и получила аккуратную запись двора, на которой было скучно жить.

Она дважды поставила обратно ведро. На третий раз оставила.

Белла прислала сообщение: «Удалила дома. Других копий нет». Следом написала, что передаст организатору готовый файл, если Саша захочет доделать без неё. До срока оставался день.

Саша достала из прихожей шарф. На нём висела нитка от липучки диктофона. Она позвонила в верхнюю квартиру.

Белла открыла в фартуке. На столе лежало тесто, рядом стоял телефон с фотографией пирога от сестры.

— Я всё пытаюсь понять, где у неё столько начинки помещается, — сказала она.

Саша протянула шарф.

— Я тоже кое-что сделала без спроса. Убрала твои куски. Даже не показала.

— Это другое.

— Да. Но я всё время говорила, что ничего не понимаю, а решала за двоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.